УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «КАРГАСОКСКИЙ РАЙОН»
ГОУ ВПО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Томский Север:
ЗЕМЛЯ КАРГАСОКСКАЯ – БОЛЬ И ГОРДОСТЬ РОССИИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

9–11 сентября 2011 г., Каргасок

Издательство Томского университета
2013

О.Б. Беликова

«СУРОВАЯ НАКАЗАНЬ»: ССЫЛКА АЛТАЙСКОЙ СЕМЬИ КОРОСТЕЛКИНЫХ В ПАРАБЕЛЬЕ (1931–1948 гг.)

С каргасокской и парабельской землёй связана жизнь Коростелкиных – родительской семьи моей мамы. Основой рассказа о них стали документы из архивов Информационного центра Управления внутренних дел Томской области[1], Томского государственного университета[2], Томского государственного педагогического университета[3], справка из Государственного архива Новосибирской области[4], домашние архивные собрания, а также воспоминания потомков семьи Коростелкиных.

Мама, Анна Сергеевна Кокорина, до замужества Коростелкина, родилась в 1926 г. на Алтае в селе Верх-Камышенка, которое тогда относилось к Покровскому району Рубцовского округа Сибирского края. Позднее и ныне этот населенный пункт административно находится на территории Краснощёковского района Алтайского края. Своим днем рождения она считала 4 ноября. Как мама вспоминала, точную дату «тятя забыл», говорил, что родилась она «на Казанскую»[5]. Однажды я задала ей бестактный вопрос: «Фамилия Коростелкины произошла от слова “короста”?». Тихо, с достоинством, через которое ощущалась обида, она сказала: «Коростелкины – от названия птички “коростель”….». Наверное, ей не раз приходилось отвечать подобным образом.

Ее родители были крестьянами. Отец, Сергей Евдокимович Коростелкин, родился в 1877 или 1878 г. в Придонье – в селе Речица

---

[1] См.: Личное дело № 48045 выселенца: Коростелкин Сергей Евдокимович // Архив Информационного центра Управления внутренних дел Томской области. Д. Р-29537. 35 л.

[2] См.: *Коростелкина* Анна Сергеевна: [личное дело. 16 мая 1946 г. – 18 июня 1948 г.] // Архив ТГУ. Ф. Р-815. Оп. 64. Д. 1952. 7 л.

[3] См.: *Коростелкина* Анна Сергеевна: [личное дело. 22 июня 1948 г.] // Архив ТГПУ. Ф. Р-556. Д. 2006, связка 30.

[4] См.: [*Справка* о Коростелкиных] из Государственного казенного учреждения Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области». № 853-Т от 16 января 2012 г.

[5] Имелось в виду празднование в православии явления Казанской иконы Пресвятой Божией Матери, которое установлено 21 июля (8 июля по старому стилю) в день ее обретения и 4 ноября (22 октября по старому стилю) в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г.

Ливенского уезда Орловской губернии. С 20 лет начал батрачить: «*жил в батраках, жил 7 лет*»[1]. Известно, что впервые он женился на Орловщине. Но его первая жена и единственный от неё ребенок умерли во время переселения в 1900 г. на Алтай. Помнится, мама говорила, что семья «тяти» (отца) продвигалась в Сибирь на конных подводах. Переселялся Сергей (тогда ему было 22–23 года) вместе со своими родными братьями Михаилом и Павлом.

Вторым браком Сергей Евдокимович женился на Анастасии Николаевне Малаховой (моя бабушка), родившейся в октябре 1881 г. На Алтае вначале хозяйничал совместно с братьями, а *«в 1913 году хозяйство было разделено на три части»*[2], и он стал проживать своей семьёй. В 1915–1917 гг. участвовал в Первой мировой войне, служил в царской армии санитаром. После службы вернулся на Алтай и продолжил жить отдельно, своим хозяйством, которое сам называл как «*среднятское», «маломочное среднятское»*. У семьи был свой дом, скот – *«3 лошади и 2 коровы и 8 о[вец] и одна сенокосилка»*[3]. Занимались земледелием. Надо полагать, имелся и земельный надел, возделываемый силами семейства. У Сергея Евдокимовича и Анастасии Николаевны Коростелкиных было 2 сына и 3 дочери: Пелагея (1908 г.р.), Никита (1915 г.р.), Семен (1918 г.р.), Антонида (1921 г.р.) и Анна (1926 г.р.), все они родились в Верх-Камышенке. Из времен жизни на Алтае, видимо, достаточно сытой и благополучной, ни одной общей фотографии семьи Коростелкиных или кого-либо из её состава пока не выявлено.

Размеренная жизнь на Алтае, выстраиваемая Сергеем Евдокимовичем более трёх десятилетий, рухнула в одночасье. Сначала постановлением Верх-Камышенской сельской избирательной комиссии Покровского района он в 1931 г. был лишен избирательных прав. А 14 мая 1931 г. семью Сергея Евдокимовича, признанного *«по имущественному происхождению из крестьян-кулаков»*, сослали *«якобы за эксплуатацию наемного труда»*[4] из с. Верх-Камышенка в суровые земли Нарыма – в Парабелье, в Каргасокский район Западно-Сибирского края[5]. Сосланы были 5 человек: отец Сергей Евдоки-

---

[1] Личное дело № 48045… Л. 4.

[2] *Личное* дело № 48045… Л. 4.

[3] *Личное* дело № 48045… Л. 3, 4, 4об.

[4] *Личное* дело № 48045… Л. 20. Л. 3.

[5] С 1936 г. – это территория Парабельского района Нарымского округа Западно-Сибирского края; с 1937 г. – Парабельского района Новосибирской области; с 1944 г. и поныне – Парабельского района Томской области.

мович (ему тогда было около 54 лет), мать Анастасия Николаевна (около 49 лет), сын Никита (около 16 лет), дочери Антонида (около 10 лет) и Анна (моей маме было 4 года и 7 месяцев). Старшую дочь, 23-летнюю Пелагею, не выслали потому, что к тому времени на Алтае она уже жила своей семьёй. А младший сын, 13-летний Семён, при высылке сбежал, еще в Верх-Камышенке.

Основанием для высылки семьи Коростелкиных, как и миллионов других людей, стали постановления Центрального комитета ВКП(б) от 30 января 1930 г. и Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 1 февраля 1930 г., провозгласившие политику ликвидации кулачества как класса. Она развернулась в сторону массового выселения хозяйств, признанных кулацкими. С Алтая Коростелкиных доставили (поездом или обозом?), вероятно, в распределительный пункт СибЛага в Томске. Затем на барже по Томи и Оби вывезли в Нарымский край. Высадили в необжитом месте – на правом берегу р. Вяловка (правый приток р. Парабель), где был основан пос. Малые Бугры Парабельской комендатуры. В ней на 24 сентября 1931 г. числилось 39 поселков, в которых проживало 6 561 семей с 27 693 едоками[1].

Как отмечено документами, «очень плохое питание» спецпереселенцев Парабельской и других северных комендатур привело к их сильному истощению уже в 1931 г.[2] Самым страшным периодом жизни в ссылке, по рассказам мамы, было время с зимы 1931 г. по весну 1932 г. Жили они в своей бревенчатой полуземлянке, которую сами же успели построить к осени 1931 г. В поселке была огромная смертность, не хватало еды. С содроганием мама вспоминала: «Я училась считать по трупам». Из окошка полуземлянки, где дети проводили практически всё время, она, пятилетняя, смотрела на улицу и когда видела, что соседи выносят умерших, то начинала их считать. Если в счете делала ошибки, то «тятя её поправлял».

Настоящий голод в пос. Малые Бугры настал весной 1932 г. Заболел отец, Сергей Евдокимович (*«сам болел 10 месяцев»*[3]), в их се-

---

[1] См.: *Красильников С.А.* Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 169. (Сер.: Социальная история России XX века).

[2] См.: *Спецпереселенцы* в Западной Сибири: Весна 1931 – начало 1933 г. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецов, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пащенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1993. С. 230–231.

[3] *Личное* дело № 48045… Л. 4.

мье практически нечего было есть, все обессилели из-за постоянного недоедания. Единственным способным тогда к маломальской физической нагрузке оставался старший сын Никита в возрасте около 17 лет, который в результате и спас всю семью Коростелкиных от голодной смерти. Пытаясь найти какую-нибудь еду, однажды увидел в омуте огромнейшую старую щуку – «как бревно». Несколько дней он на неё буквально охотился, но безуспешно, что было неудивительно при учёте его физического состояния и, видимо, отсутствия у него, потомственного земледельца, больших навыков в рыболовстве. Каким-то чудом Никита все же смог поймать ту щуку, которой несколько дней и кормилась вся семья Коростелкиных. Это короткое подкрепление сил позволило продержаться им до лета, когда стало легче находить «подножный корм». В документах 1932 г. отражены способы мнимого насыщения спецпереселенцев за счёт суррогатного питания: выпечка хлеба из порошкообразной массы из опилок от полусгнивших осиновых пней (или коры березы), смешанных с мукой, приготовление болтушки из муки и пр.[1] Примерно этим питалась тогда и семья Коростелкиных. *«Такая суровая наказань»*[2], – назвал С.Е. Коростелкин жизнь своей семьи в пос. Малые Бугры спустя примерно 1 год и 8 месяцев после высылки с Алтая.

В ведении Парабельской участковой комендатуры на сентябрь 1933 г. числилось 18 561 трудопоселенец, включая Коростелкиных, в 8 поселковых комендатурах[3]. Пытаясь спасти свою семью, облегчить ей жизнь, Сергей Евдокимович в январе 1933 г. предпринимает первую попытку восстановиться в избирательных правах. Правда, его надежды на возвращение домой на Алтай были беспочвенны: как отмечают историки В.П. Данилов и С.А. Красильников, «вопреки ожиданиям спецпереселенцев, восстановление в правах не избавляло их от проживания в комендатурах, а лишь влекло ослабление комендантского надзора над ними»[4]. С.Е. Коростелкин обращается с заявлением в Центральный исполнительный комитет: *«Я считаю, что меня неправильно лишили и выслали. Хозяйство моё* (то, которое было на Алтае. – *О.Б.*) *среднятское. Ввиду моей болезни нанимал*

---

[1] См.: *Спецпереселенцы* в Западной Сибири: Весна 1931... С. 230–231.

[2] *Личное* дело № 48045… Л. 4об.

[3] *Спецпереселенцы* в Западной Сибири: 1933–1938 гг. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецов, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пащенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1994. С. 244.

[4] *Спецпереселенцы* в Западной Сибири: 1933–1938 гг. ... С. 9.

батрачку в 1927 г. на сезон работ на один месяц, жила по договору. Семейство моё 6 душ, нетрудоспособные, а сам болел 10 месяцев ... Против советской власти я не вёл никаких агитаций и хозяйство не транжировал. Материалы, данные на меня, неправильные по личным счетам. А поэтому прошу разобрать моё заявление и восстановить в избирательных правах голоса, так как я совершенно не заслуживаю такую суровую наказань. А по сему прошу не отклонить моей просьбе и к сему подписуюсь [Коростелкин]. 1933 года января 31 дня»[1]. Никаких данных об ответе на это заявление в личном деле нет. Причина высылки была только одна – хозяйство его семьи признали кулацким, что и стало своеобразным приговором.

Спустя год, 29 января 1934 г., Сергей Евдокимович обращается со вторым заявлением, на этот раз – в правительственную комиссию главного управления лагерями ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) с просьбой восстановить его и его семью в *«правах гражданского пользования»*[2]. Также безрезультатно.

Только через 5 лет после высылки, 20 апреля 1936 г., Сергей Евдокимович, его жена Анастасия Николаевна, их дети Никита, Семён, Антонида и Анна, а также внук Валентин (родился в Малых Буграх) были восстановлены в гражданских правах. Но это событие не привело к существенному облегчению жизни Коростелкиных: они по-прежнему должны были проживать в комендатуре, не имели права покидать пределы её территории. Да и позднее всё равно числились трудопоселенцами на учёте в Парабельской комендатуре. Сергей Евдокимович к тому времени был *«членом артели им. Ворошилова»*[3], скорее всего сельскохозяйственной, которая находилась в пос. Малые Бугры. По своему статусу это была явно неуставная артель трудопоселенцев: она создавалась под непосредственным руководством комендатур, якобы «исключительно на добровольных началах».

В 1934 г. Аня Коростелкина в возрасте 7 лет и 10 месяцев пошла учиться в 1-й класс Малобугринской начальной школы. Сохранилась фотография мамы, сделанная в пос. Малые Бугры в 1936 г., вместе с родителями.

---

[1] *Личное* дело № 48045... Л. 4, 4об.
[2] *Личное* дело № 48045... Л. 3об.
[3] *Личное дело* № 48045... Л. 7.

Спустя 5 лет после начала отбывания ссылки: Анастасия Николаевна (около 55 лет) и Сергей Евдокимович (около 59 лет) Коростелкины с дочерью Анной (9 лет). 1936 г., пос. Малые Бугры Парабельского района Нарымского округа Западно-Сибирского края. *Архив О.Б. Беликовой*

Дети пос. Малые Бугры. Вторая справа – Аня Коростелкина (Анна Сергеевна Кокорина), остальные участники съемки не идентифицированы. Фотосъемка периода 1933–1937 гг. *Архив О.Б. Беликовой*

На второй фотографии, снятой в период, вероятно, от 1933 до 1937 г., изображены пятеро улыбающихся ребятишек в возрасте примерно 8–11 лет, сидящие на ограде поскотины, на фоне тайги и какого-то водоема. Надпись на обороте снимка, к огромному сожалению, отсутствует. Про этот снимок, помнится, мама говорила: «Мои друзья по жизни в Малых Буграх».

В 1937 г., скорее всего в феврале, сбежавшего при высылке в мае 1931 г. Семёна, сына Сергея Евдокимовича, власти всё-таки отправили с Алтая в ссылку в пос. Малые Бугры. Прожив здесь более года (работал, как и отец, в сельскохозяйственной артели им. Ворошилова), он попытался выбраться из сурового Парабелья на Алтай. Добился разрешения на выезд из комендатуры *«для получения своих ценностей»* по месту прежней работы: *«денег – 174 руб. 24 коп., сена – 13 ц 32 кг, соломы и мякины – 29 ц 10 кг, кизяк – 291 штук»*[1]. На руках с этим документом 20-летний Семён добрался до алтайской родины. Но к 15 августа, времени окончания кратковременного отпуска, не стал возвращаться в Малые Бугры, а остался на Алтае, скорее всего в родной д. Верх-Камышенка у родственников. Вскоре он был объявлен бежавшим из Парабельской участковой комендатуры – *«бежал 28 / VIII–1938»*[2].

10 ноября 1940 г. сняли с учета трудопоселенцев среднюю дочь в семье Коростелкиных – Антониду Сергеевну Коростелкину. В пос. Малые Бугры в первом квартале 1941 г. проживало 140 чел.[3], включая Коростелкиных. Учиться мама продолжила в Парабельской средней школе. Сохранилась фотография учеников её 9-го класса, снятая в конце 1942 г. В возрасте 16 лет, 10 января 1943 г., маму также сняли с учета трудопоселенцев, поэтому летом этого года она смогла выехать из пос. Малые Бугры в г. Колпашево. Здесь, при Колпашевском педагогическом училище по школьному отделению, сдала экстерном 8 экзаменов с отметками преимущественно «отлично».

В 1944 г. мама заканчивала школу. 17-летней она отображена на фотографии в группе девушек 10-го класса Парабельской средней школы, на обороте снимка чернильной ручкой аккуратно написала имена своих одноклассниц. Это единственная групповая фотография из времен маминой жизни в Парабелье, на которой идентифицированы все лица.

---

[1] *Личное* дело № 48045… Л. 15.

[2] *Личное* дело № 48045… Л. 2 об.

[3] См.: *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 6.

Девушки 10-го класса Парабельской средней школы. 25 января 1944 г.
На обороте фотографии надпись рукой А.С. Коростелкиной: «Фотография 1944 г., 25 / I.
Девушки 10 кл. Слева направо: Оля Цурикова, Нина Скурихина, Гла[ш]а Скирневская,
Нюся Шобухова, Нюся Коростелкина, Лиза Цурикова, Оля Волокитина, Таня Тишенкова,
Соня Амбарцумян, Сина Перемитина, Таня Куракова, Тома Фомина, Тася Кривошеина,
Маша Задорожная, Дуся Родионова. Коростелкиной А.»
(перечислены, начиная с верхнего ряда). *Архив О.Б. Беликовой*

Примерно в 1943 г. мамин брат Семён каким-то образом снова был доставлен с Алтая в пос. Малые Бугры, откуда он бежал в 1938 г. О его появлении можно судить на том основании, что в ряды Советской армии в 1943 г. (месяц не выяснен) он, по некоторым данным, призывался именно Парабельским РВК[1]. В 1944 г. по-прежнему находился на фронте, был сержантом 1236-го стрелкового Выборгского Краснознаменного ордена Александра Невского полка 372-й стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии. Выявленная единственная фотография Семёна относится, скорее всего, к 1944 г. Он погиб 1 февраля 1945 г. в возрасте 26–27 лет в Польше в г. Марнен-

[1] См.: *Личное* дело № 48045... Л. 28; Книга памяти Томской области: 1941–1945: Вспомним всех поименно. Т. 2: Е–Л. Томск, 1994. С. 284.

бург (ныне г. Мальборк Эльблонгского воеводства), где его и похоронили. Конкретно о месте захоронения в извещении указали так: «Площадь кондитерской фабрики, улица Гинтербург Штрассе»[1]. Он не был женат и не имел детей.

Семен Сергеевич Коростелкин. Фотосъемка 13 апреля, вероятно, 1944 г., Ленинград. *Архив О.Б. Беликовой*

Сразу после окончания школы, с 15 июня 1944 г., мама стала работать учительницей в Бугринской начальной школе. У нее, 17-летней, тогда было только среднее образование, так как Колпашевское педагогическое училище официально она ещё не окончила: не был получен документ. 1 марта 1945 г. её перевели на работу учительницей начальных классов в Парабельскую среднюю школу. В какой-то момент она решает учиться в Томском государственном университете. В 1946 г. приезжает в Томск и успешно поступает на очное отделение географического факультета. Но из-за отсутствия финансовой поддержки мама даже не смогла приступить осенью к занятиям в университете, о чём с горечью вспоминала всю свою оставшуюся жизнь.

Она продолжала трудиться учительницей начальных классов в Парабельской средней школе по 6 июля 1948 г. Ее положение теперь упрочилось тем обстоятельством, что спустя 3 года после сдачи экзаменов она получила аттестат от 30 октября 1946 г. об учительском образовании. В нем говорится: «Экстерном сдала экзамен при

[1] *Личное* дело № 48045... Л. 28; Архив О.Б. Беликовой.

Колпашевском педагогическом училище по школьному отделению», решением Народного комиссариата от 29 октября 1946 г. присвоено «звание учителя начальной школы»[1]. Труд мамы во время войны был отмечен: 20 ноября 1946 г. Парабельским РК ВКП(б) за работу учителем в начальных классах она была удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г.).

В 1948 г. из семьи Коростелкиных в пос. Малые Бугры остались жить только моя мама и находившийся на учёте в комендатуре её отец Сергей Евдокимович, которому тогда было около 70 лет. Его жена Анастасия Николаевна умерла (15 августа 1944 г.), сын Семён погиб на фронте. Две старшие дочери жили отдельно своими семьями также в Парабельском районе: Пелагея (Полина) Лытнева – в д. Новосельцево, Антонида Зацепина – в д. Шонгино. Старший сын Никита – в Томске. Самая младшая Аня (21 год), моя мама, была не замужем. Всё сложилось так, что она и её отец в 1948 г. решают перебраться в Томск. Думаю, инициатива переезда исходила от мамы, на которую повлияло её поступление в 1946 г. на географический факультет Томского государственного университета, где она всё ещё надеялась учиться. Кроме того, в Томске уже жил Никита.

Летом 1948 г., после окончания учебного года, мама пытается решить вопросы своего будущего трудоустройства и образования в Томске. В результате 23 июня 1948 г. последовал приказ по Томскому областному отделу народного образования о её переводе из Парабельской средней школы в 16-ю семилетнюю школу г. Томска. Но к лету 1948 г. Сергей Евдокимович всё ещё оставался «под комендатурой» и не мог покидать место своего жительства. Понимая, что после её отъезда в Томск он останется в Малых Буграх совсем один, мама 6 июля 1948 г. подает заявление коменданту Парабельской комендатуры с просьбой снять отца, которого берёт на свое иждивение, с учёта. Сведений об официальном ответе на это заявление нет. Но, возможно, с ним связана справка, подписанная начальником Парабельского районного отделения Министерства государственной безопасности, от августа 1948 г. о том, что на С.Е. Коростелкина «компрматериалами не располагают»[2]. А к 1 декабря 1948 г. было утверждено заключение заместителя начальника Парабельского районного отделения МВД о снятии С.Е. Коростелкина с учёта

---

[1] Архив О.Б. Беликовой.

[2] *Личное* дело № 48045… Л. 29.

спецпоселения[1]. Скорее всего, это стало следствием приказа МВД СССР и прокуратуры СССР от 28 сентября 1946 г. «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков», который предусматривал освобождение бывших кулаков, «имеющих детей в Красной Армии».

Ко времени снятия отца с учета 22-летняя Анна уже жила в Томске, работала учителем русского языка, училась на заочном отделении литературного факультета Томского учительского института. В 1950 г. вышла замуж за Бориса Григорьевича Кокорина – моего отца, – и вскоре уже со своей семьёй вернулась на нарымскую землю, ставшую ей с 1931 г. второй родиной. Сначала жили в Колпашеве (1953–1955 гг.). Затем – в Каргасокском районе: в д. Староюгино (1955–1961 гг.) и пос. Каргасок (1961–1969 гг.), где мама работала учительницей русского языка и литературы, заведующей методическим кабинетом Каргасокского отдела народного образования, а отец – директором школ, учителем истории. Мой дед С.Е. Коростелкин и мама А.С. Кокорина были реабилитированы 30 июня 1992 г. на основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

В 1988–1990 гг. мама настойчиво пыталась выяснить, сохранилась ли в Польше могила брата Семёна. В её бумагах имеются связанные с поисками 9 документов. Это переписка с различными организациями: Парабельский объединенный районный военный комиссариат, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Центральный архив Министерства обороны СССР. Но, к сожалению, ничего конкретного о могиле брата в Польше она до своей кончины (1 августа 2000 г.) так и не узнала.

Позднее мне удалось найти могилу дяди Семёна. 28 ноября 2007 г., сделав первую и единственную попытку отыскать в Интернете сведения о ней, уже через час на форуме я получила ответ от польского краеведа Войтека Бещински: «Здравствуйте, Ольга. Ну и повезло Вам (если это слово можно здесь применить). В сентябре я был на кладбище в г. Мальборк и его сфотографировал. Фамилия Вашего дяди находится на памятной каменной доске у входа на кладбище – значит, он сейчас там покоится. Описание кладбища из каталога и снимки посылаю по личному адресу».

---

[1] *Личное* дело № 48045… Л. 30.

СПИСОК ВОИНОВ КРАСНОЙ АРМИИ,
ЗАХОРОНЕННЫХ НА РОССИЙСКОМ КЛАДБИЩЕ В Г. МАЛЬБОРК, РЕСПУБЛИКА ПОЛЬША.

ФАМИЛИЯ	ИМЯ	ОТЧЕСТВО	ГОД Р.	ДАТА СМЕРТИ	№ МОГИЛЫ
АВЕРИН	АВЕНИР	МИХАЙЛОВИЧ	1924	30.01.45	8/9
АНДРУСЯК	ТАНАСИЙ	ТИМОФЕЕВИЧ	1914	28.01.45	8/6
БАКЛАНОВ	КУПРИЯН	ФОМИЧ	1904	27.01.45	8/28
БАРКОВСКИЙ	ВАСИЛИЙ	КОНСТАНТИНОВИЧ	1909	16.02.45	8/18
БЕЛЕВ	МАКСИМ	СТЕПАНОВИЧ	1906	21.02.45	7/25
БЕРЕЗЮК	СТЕПАН	ВАСИЛЬЕВИЧ	1925	08.03.45	8/12
БОРОВИНСКИЙ	ИВАН	ИЛЬИЧ		26.01.45	8/40
ВАСЕНИН	АНДРЕЙ	ИВАНОВИЧ	1910	21.02.45	7/26
ВАСИЛЬЕВ	ИВАН	ИВАНОВИЧ	1912	29.01.45	7/22
ВАСИЛЬЧИКОВ	АЛЕКСЕЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ	1922	08.08.45	8/20
ВИНОГРАДСКИЙ	ГРИГОРИЙ	НИКОЛАЕВИЧ	1923	28.01.45	7/5
ВОРОБЕЙ	САВВА	ПЕТРОВИЧ	1922	26.01.45	7/1
ВОРОНИН	ГРИГОРИЙ	НИКИФОРОВИЧ	1902	29.01.45	8/31
ГЛАДУН	СТЕПАН	ФИЛИППОВИЧ	1920	26.03.45	7/4
ГОЛИК	ЯКОВ	ПЕТРОВИЧ	1908	07.02.45	7/2
ГРЕМАЛЮК	ГЕОРГИЙ	ИВАНОВИЧ		28.01.45	7/16
ГОРБАЛЬ	ВАСИЛИЙ	ФЕДОРОВИЧ	1907	30.01.45	
ДАШКО	ИВАН	БОРИСОВИЧ	1912	27.02.45	8/24
ЕВАРЫДОВ	ВАСИЛИЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ		00.00.45	58
ЕГОРОВ	ПЕТР	ВАСИЛЬЕВИЧ	1924	05.02.45	8/27
ЗАПОРОЖИН	ИВАН	ДАНИЛОВИЧ	1909	26.01.45	7/8
ЗОБОВ	НИКОЛАЙ	АЛЕКСАНДРОВИЧ	1923	26.01.45	8/30
ИЛЬИН	ЕВГЕНИЙ	ГРИГОРЬЕВИЧ	1923	25.01.45	8/34
КОТЕЛЬНИКОВ	МАТВЕЙ	ФИЛИППОВИЧ	1916	26.01.45	8/7
КАПЛУНОВ	АЛЕКСАНДР	СЕРГЕЕВИЧ	1923	25.01.45	8/22
КАРАЗАКИ	КОНСТАНТИН	СТЕПАНОВИЧ	1908	13.02.45	8/26
КАТЕРИНЧУК	ЭММАНУИЛ	ТОМОВИЧ	1907	26.01.45	7/12
КИСЕЛЬ	НИКОЛАЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ	1908	04.02.45	8/21
КЛИМ	ДМИТРИЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ	1923	31.01.45	7/6
КОЛЕСНИКОВ	ИВАН	АЛЕКСЕЕВИЧ	1900	28.01.45	8/15
КОРОСТЕЛКИН	СЕМЕН	СЕРГЕЕВИЧ	1920	01.02.45	7/7
КАВГУН	АНДРЕЙ	НИКОЛАЕВИЧ	1915	01.02.45	8/10
КРУКОВСКИЙ	МИХАИЛ	ИВАНОВИЧ	1925	28.02.45	7/20

Кладбище воинов Советской армии (г. Мальборк, Польша).
Каменная плита с именами идентифицированных захороненных.
Третья строка снизу: «Коростелкин Семён Сергеевич»

В итоге удалось выяснить, что в 1948 г. останки Семена, как и других военнослужащих, погибших при освобождении г. Мальборк и его окрестностей, перенесли на специально обустроенное «Кладбище воинов Советской армии», на ул. 500-летия в этом же городе. Общее количество захороненных на кладбище – 529 чел., но фамилии известны только у 69 чел., включая Семёна. Их имена выбиты на каменных плитах. Останки Семёна Сергеевича Коростелкина (1918 – 1 февраля 1945) перезахоронили в братской могиле 7, место 7. К сожалению, по ряду обстоятельств я до сих пор так и не смогла съездить поклониться могиле дяди. Надеюсь, когда-нибудь удастся.